

ТИХОНУ ХРЕННИКОВУ исполняется 90 лет. 40 лет он возглавлял Союз композиторов. И знаменит не только как автор симфоний и опер. Если вы смотрите сегодня фильмы "Гусарская баллада", "В шесть часов вечера после войны", "Свинарка и пастух" - знаете: вы слышите то, что сочинил этот великий современник.

- **ТИХОН** Николаевич, вы писали классическую, симфоническую, эстрадную и музыку к фильмам. В каком жанре интереснее было работать?

- Я следовал традициям нашей русской школы. Примером ее служат Прокофьев, Шостакович, Хачатурян. Они сочиняли балеты, оперы, симфонии, театральную и киномузыку. Даже джаз. Работать в разных жанрах было принято. Как композитора это обогащает. Очень люблю театр, поэтому с огромным удовольствием писал музыку для него... Или для кино - "Свинарка и пастух", "Поезд идет на Восток", "Верные друзья". Писал эти произведения с огромным удовольствием. И даже сам снялся в фильме "Поезд идет на Восток". Я там пою песню с матросом.

- То есть жанр эстрадной музыки для вас не был второстепенным и унижающим достоинство серьезного композитора?

- Нет, ведь тогда не было такой мусорной эстрады, как сейчас. Что говорить, если представителем, например, юмористического цеха на нашей эстраде был Аркадий Райкин! Гениальный актер, потрясающий. Планка качества была поднята на большую высоту. Что касается певцов, то и здесь были свои Шаляпины. Например, Обухова. Она исполняла романсы, народные песни. Вспомнить хотя бы Лемешева, поющего народные песни. Это тоже эстрада. Или как Коз-

ловский исполнял песню Богословского "Темная ночь"! Настоящие певцы, с поставленными голосами. Позже на большие подмостки вышли голосистые Лещенко и Кобзон. Теперь артисты в рот засовывают микрофон, голоса никакого нет, шепчут что-то. Дилетантизм нас губит. Безголосица на эстраде, дурной вкус.

- Как вы относитесь к тем творческим людям, которые уехали на Запад?

- Это их личное дело. Никого не берусь осуждать. У каждого были свои причины. Но они все сейчас стараются вернуться. Помните, у Прокофьева спросили: "Почему вы вернулись? Ведь вы гениальный, первый композитор в мире. Вам везде были бы рады". И он ответил: "Где бы мы ни находились, за границей мы всюду милые иностранцы". Эти "ми-

Песни и формы

Аргументы и факты - 2003 - июнь (№ 23) - с. 17

лые иностранцы" там живут, зарабатывают деньги, а потом вспоминают о том, что есть родина. Поэтому большинство возвращается обратно.

- А вы никогда не подумывали уехать?

- Да вы с ума сошли! Об этом даже думать невозможно. Раньше, уезжая за границу, уже спустя неделю начинал тосковать. Больше этого срока мне быть там невозможно, тянет домой. Для меня самое великое, самое прекрасное место в мире - город Елец, где родился. Несмотря на то что в Москве живу давно, с 1929 г., до сих пор связан со своим Ельцом. Он стал университетским городом. Там есть училище искусств моего имени. Открыли музей в доме, где родился, а к нему пристроили небольшой концертный зал. Но мир я обездли. У меня было много друзей в разных странах. Выступал, пользовался успехом. Недавно вот получил медаль

Моцарта из Парижа. Это высшая награда ЮНЕСКО, какая существует для деятеля культуры. Ею удостоены лишь несколько человек в мире. Счастлив, что попал в их число. Когда мне было шесть лет и я только научился читать, узнал биографию Моцарта. Как помню, это было на верхнем этаже сеновала. И тогда дал себе клятву, что обязательно буду композитором. И сейчас, в

90 лет, получаю медаль Моцарта. Это невероятно. Вот как бывает в жизни.

- Двое ваших братьев были репрессированы...

- Это было в 1937 г. Я хлопотал невероятно, писал всем, кому можно было. Одного брата удалось вытащить в народный суд. Как вы понимаете, судебной системы фактически тогда не существовало. Я нанял Баруду - одного из двоих самых крупных адвокатов нашей страны. Колодов был вторым, также очень известным защитником. Оба они вели все политические процессы. Чтобы заплатить Баруде, пришлось брать в долг деньги. На проходившем в Ельце процессе вышли наружу гадости, которыми была обсыпана голова моего брата. Все это оказалось вымыслом людей, писавших всякие небывлицы под давлением НКВД. Суд оказался прозрачным, и прямо оттуда моего брата отпустили домой. Удивительно, что его удалось спасти: по стране ходили слухи, что каждая область

должна репрессировать определенное количество людей. Поняв, к чему может привести народный суд, власти не позволили провести процесс второго брата. "Тройка" осудила его на десять лет, он погиб в концлагере. Я уже ничего не мог сделать, несмотря на то что к тому времени был уже известным композитором.

- В вас влюблялись женщины, преследовали?

- Мне повезло - моей женой была Клара. Я счастлив, что встретил такую женщину, которая могла на меня влиять. Мы были с ней единомышленниками. Но я не был "синим мужским чулком". Мне нравились женщины, я до сих пор их люблю. Но одно дело, когда нравятся женщины, а другое дело - жена. Да, поклонницы в меня влюблялись, так же, как и я. Люблю красивые женские ноги, для меня самая красивая женская часть тела - это ноги. Всегда начинаю на женщину смотреть снизу вверх. Помню себя мальчишкой: когда мне было три-четыре года, я обожал обцеловывать ноги своих сестер. (У меня их было целых четыре.) Был какой-то инстинкт к этой женской прелести. Так до конца жизни, наверное, и буду любить красивые ноги. Но мне не нравятся фотомодельные циркули, модные сейчас. Люблю женственные, чтобы была форма.

Виктория КАЙТУКОВА

Фото Олега Дьяченко

17 Хренников Тихон (№ 23) 06.03 (14.04.03)